

Николай Луганский: «В музыке не бывает проигравших» | Nikolaï Louganski: « En musique, il n'y a pas de perdant »

Автор: Надежда Сикорская, [Женева-Люцерн](#) , 15.11.2017.

Николай Луганский (©Jean-Baptiste Millot)

Программа двух концертов Российского Национального Оркестра под управлением Михаила Плетнева будет полностью состоять из русской музыки – Рахманинов и Скрябин. Вопреки правилам устроителя турне, программы Классический Культурный процент MIGROS, и за пультом оркестра, и за роялем окажутся соотечественники – в

солисты приглашен Народный артист России Николай Луганский, с которым мы заблаговременно встретились.

|

Le programme des deux concerts de l'Orchestre national russe sous la direction de Mikhaïl Pletnev sera entièrement composé de musique russe : Rachmaninov et Scriabine. En dépit des règles de l'organisateur de la tournée, Migros-Pour-cent-culturel-Classics, derrière le pupitre et au piano se trouveront deux compatriotes, puisque le soliste invité est l'Artiste populaire de Russie Nikolaï Louganski.

Nikolaï Louganski: « En musique, il n'y a pas de perdant »

Наша Газета.ch: Николай, Ваши родители - ученые: папа физик, мама химик. Как это Вас угораздило заняться музыкой?

Мои родители всегда любили и любят музыку. Мама в детстве, прошедшем в эвакуации в Душанбе, играла на рояле «Танец Анитры» Грига, папа играет на гитаре, во Дворце пионеров освоил в свое время нотную грамоту. Единственная связь с музыкой, которую можно проследить в нашей семье, восходит к священникам по отцовской линии. А так – купили мне игрушечное пианино, на котором папа начал подбирать «Пусть всегда будет солнце». Я сказал, что подбирает он неправильно. Мне было пять лет. Папа решил проверить мой слух, оказалось – абсолютный. При этом мой физик папа был убежден, что абсолютный слух – выдумка средств массовой информации, и доказательство обратного его поразило. Затем три месяца я занимался у педагога Гнесинки Марии Александровны Шариковой и даже поступил в эту школу. Потом, во время летних отпусков, когда мы были на даче, меня отвели к нашему соседу, Сергею Александровичу Ипатову, ученику Константина Игумнова. Он со мной занимался всё лето, и под его влиянием я всё же стал поступать в ЦМШ.

Поступить в эту «самую-самую» музыкальную школу страны можно было без блата?

Я не уверен, что в нее можно было поступить с блатом! Думаю, в такие заведения все же поступали именно те, кто ничем иным заниматься были не должны. Попадались, конечно, те, кто послабее, но они быстро отсеивались. И это относится не только к ЦМШ, но и к физтеху, например, куда с большим трудом, но поступил мой провинциальный папа. Я думаю, что на высоком уровне образования эта ситуация сохранилась и сегодня. В музыке блат и даже диплом не имеют значения – публику не обманешь.

Николай Луганский и Татьяна Николаева, 1988 г. (Из личного архива Н. Луганского)

Вашими первыми педагогами были дамы: Татьяна Кестнер в Центральной музыкальной школе и Татьяна Николаева в Московской консерватории. Сергей Доренский пришел в Вашу жизнь позже. Можно ли говорить о женском стиле преподавания? Как он отразился лично на Вас?

Разумеется, в те годы я подобным анализом не занимался. Но если задуматься... Пожалуй, я никогда не слышал от них жестких указаний, ругани... Может, это и со мной было связано – я очень любил играть, играл и что задано, и что не задано. Но, возможно, Вы правы, и в этом что-то есть. Их стиль был не деспотическим, как часто рисуют советскую школу. Кроме того, мои учительницы, несмотря на 18-летнюю разницу в возрасте, были подругами, обе учились у Александра Гольденвейзера. При этом Татьяна Николаева была концертирующей пианисткой, заседала в жюри, много ездила, у нее был огромный репертуар, а Татьяна Кестнер посвятила себя преподаванию – она проработала в ЦМШ с момента создания школы, с подачи Гольденвейзера, и до своей смерти в 1985 году, то есть более 50 лет – такое сейчас просто невозможно себе представить!

Если Татьяна Николаева столько разъезжала, значит, в консерваторские годы Вы много времени были предоставлены самому себе?

Для меня такая ситуация сложилась раньше. Когда я учился у Татьяны Евгеньевны Кестнер, ей было уже под 80, она часто болела, занятий могло не быть целый месяц и больше. Так что уже в 9-10 лет я научился заниматься сам. Мне было очень

интересно, поскольку я легко читаю с листа. Татьяна Николаева была в Москве где-то неделю в месяц, при этом она не давала указаний ходить к ассистентам – она слушала меня и корректировала, когда могла. В этом есть плюсы и минусы. Я думаю, что привычка к самостоятельной работе мне очень пригодилась, и я знаю многих музыкантов, получавших по 3-4 урока в недели, которым после окончания Консерватории было сложно самим осваивать новый репертуар.

Николай Луганский и Татьяна Николаева, 1989 г. (Из личного архива Н. Луганского)

Сохранился ли «дух» ЦМШ?

Думаю, да, я нередко туда захожу. Конечно, здание после реконструкции узнать невозможно, но сильные педагоги и ученики еще есть, так что жизнь продолжается.

Можно ли говорить о каком-то музыкальном опыте – концерте, записи, который повлиял на Вашу творческую судьбу?

Могу назвать услышанные лет в пять записи Сонат Бетховена в исполнении Марии Гринберг и произведения Шопена в исполнении Беллы Давидович. Лучшими подарками для меня в детстве были ноты с произведениями этих композиторов. Когда я болел, то лежал и слушал записи, читал ноты. Читать ноты я научился раньше, чем читать книги.

Николай, как в русской литературе есть Золотой век и век Серебряный, так и в русском исполнительстве, в частности, в пианистической школе, говорят о поколении Нейгауза-Гольденвейзера, Рихтера-Гилельса, а затем уже о

последующих, включая ваше. Есть ли между ними принципиальная разница?

В оценочном плане я разницы не вижу. Москва всегда была очень интересным местом, где внимательно слушали пианистов любого возраста. Я сейчас немного преподаю в Консерватории, и то, что я слышу, интересно! Немного просел уровень скрипачей, на мой взгляд, причины две: именно скрипичных педагогов уехало больше всех, плюс именно этот инструмент, как никакой другой, требует ежедневных занятий, а современные студенты вынуждены подрабатывать уже с первого курса, что иногда сказывается на регулярности занятий, а значит, и на результатах. В 1960-х годах профессор подрабатывать просто не разрешил бы!

Из всех известных мне музыкантов Вы - один из самых «уравновешенных». И внешне Вы производите впечатление человека спокойного, и семья у Вас прекрасная: жена, дети. Как Вам это удалось?

Не знаю, насколько я уравновешен. Просто есть экстраверты (Денис Мацуев) и интроверты (Михаил Плетнев). При этом трудно сказать, кто из них более эмоционален. Жорж Санд знала, конечно, что за человек был Шопен, хотя в обществе он производил гораздо более «тихое» впечатление, чем, скажем, Паганини. При этом уравновешенным человеком Шопена назвать трудно. А в остальном – так сложилось, и я очень этому рад. Жена у меня не музыкант, никто из детей музыкой не занимается – они не проявили желания, а я не настаивал, думая, что, если способности есть, они сами проявятся. Хотя известно, что, когда Давид Ойстрах выбегал во двор играть в футбол, за ним мчались три тетки и чуть ли не за руки за ноги волокли домой – заниматься!

Николай Луганский после концерта в США (© Ralph Daily)

Я знаю, что Вы увлекаетесь шахматами.

Среди музыкантов это распространенное увлечение. Я балуюсь даже развлекательными шахматами – шведкой, например. Раньше это была очень популярная игра: Прокофьев с Ойстрахом играли матч в Доме Союзов! Среди моих приятелей в Москве много шахматистов, да и в Швейцарии есть – чемпион мира Владимир Крамник. Шахматы – интереснейшая игра, хотя в какой степени это – антипод музыки: в любой партии есть выигравший и проигравший, если забыть о ничьей. В музыке же проигравших не бывает. Плюс в шахматах главенствует логика, а в музыке она хоть и присутствует, но играет второстепенную роль. Тут для меня ярчайший пример – это Юрий Хатуевич Темирканов. Вы можете проанализировать массу вещей в его манере дирижирования, но главного в том, что происходит, когда он стоит за пультом, Вы не поймете никогда. Никакой логике не подвластно, почему у одного получается живая музыка, а у другого нет.

В Вашем послужном списке – победы на многих международных конкурсах,

звание Народного артиста России, многочисленные призы и награды за сделанные записи. С этим все понятно. Но вот за какие заслуги Вы стали Почетным членом Академии художеств России?

(смеется) Если честно, я сам не очень знаю. Насколько мне известно, эта Академия назначает почетных членов из людей, работающих в области культуры, но не обязательно связанных с живописью и скульптурой. Один раз я даже поприисутствовал на заседании!

Журнал Gramophone назвал Вас «самым блестящим и стильным исполнителем музыки Рахманинова и Прокофьева», а по мнению обозревателя The Financial Times, Ваши интерпретации сочинений Моцарта и Шуберта отличаются «утонченностью и кристальной красотой». Эти четыре композитора - Ваши любимые?

Это не самый любимый вопрос среди музыкантов. Композиторов любимых у меня много. Музыкант может в большей или меньшей степени к чему-то тяготеть. Тенденция ассоциировать исполнителей с композиторами присуща СМИ, это упрощает их задачу. Мне бы не хотелось, чтобы с кем-то ассоциировали меня. Вообще же, восприятие музыки сравнимо с самыми глубинными чувствами – бывает любовь с первого взгляда, а бывает такая, что вызревает годами. У меня очень много любимой музыки. Да, Моцарт, Шуберт, Прокофьев и Рахманинов относятся к числу самых любимых композиторов. Играю я их, в количественном выражении, неравномерно, но нужно учитывать и тот факт, что русского пианиста реже приглашают играть Моцарта и Бетховена, например. Однако все пять бетховенских концертов я играл и записал диск с произведениями Шуберта, которого раньше исполнял сравнительно мало. Разумеется, я играю и Чайковского, и Брамса, и Шопена, и Скрябина – с каждым складываются свои отношения, даже с теми, кто почти не писал фортепианной музыки, с Элгаром, например. Вообще, музыка – это безбрежный мир, в котором постоянно открываешь что-то новое. Иногда нужно заставлять себя это делать.

Николай Луганский (© Aline Paley)

Вы упомянули, что русских пианистов приглашают всего для исполнения русского репертуара. Это действительно так?

Такая тенденция есть, особенно если речь идет о молодых, малоизвестных музыкантах. Мне сейчас уже грех жаловаться, я играю много разной музыки, и если приглашают играть рахманиновский концерт, то я только радуюсь этому. Но ведь и хорошего испанского пианиста в Москве попросят скорее сыграть Гранадосу и Де Фалью, чем Чайковского! Так что ничего особенного и тем более обидного в этом нет. Единственное, что бы я посоветовал промоутерам: если вам понравилось, как русский пианист играет Рахманинова, полюбопытствуйте, как звучат в его исполнении Дебюсси или Бетховен, вдруг не хуже?

В одной из Ваших биографий я вычитала, что Вам довелось играть с 240 дирижерами. Просто интересно, кто это подсчитал?

Скорее всего, мой папа, который ведет мой календарь, больше на такое никто не способен. Хотя эта цифра меня самого поражает! Неужели правда 240?! Мне посчастливилось работать со многими прекрасными дирижерами, но самым главным за последние годы стал, безусловно, опыт выступлений с Юрием Темиркановым – в силу его какого-то неуловимого, не поддающегося описанию таланта.

Многие музыканты, в частности, российские, в последние годы стали организовывать фестивали. Некоторые даже по несколько. Вы тоже поддерживаете фестиваль - в Ивановке. Расскажите о нем?

Рассказать надо прежде всего об Александре Ермакове, приехавшем в те края 21-летним учителем и затеявшем восстановление родового гнезда Сергея Рахманинова, а затем и фестиваль в 150 км не от Москвы даже, а от Тамбова! Имение, где Сергей Васильевич написал 80 % всей своей музыки, в Гражданскую войну было полностью разграблено и разрушено. Реализовывать такой проект в глубокой провинции гораздо сложнее, чем в городе: Ермакову привозили стройматериалы, по ночам он рядом с ними спал, а при приближении колхозников палил по ним из пугача. Начальство из областного центра приезжает лишь в августе, на концерты, а все остальное время он остается один. Местные крестьяне в этой самой обычной деревне мало изменились со времен Рахманинова. Александр Ермаков – настоящий подвижник, любое внимание к «его» Ивановке для него крайне важно, и я с удовольствием его поддерживаю.

Чем Вы занимаетесь в свободное время, что читаете?

У меня есть два писателя, которых я читаю всегда – Пушкин и Чехов. С Пушкиным все понятно, а вот чем больше я читаю Чехова, тем больше огорчаюсь, что все-таки не он является главным представителем русской литературы на Западе, а Толстой и Достоевский, с их многословием. Рассказы Чехова совершенно гениальны, и мне кажется, что европейцы должны ценить его потрясающий лаконизм, когда словам тесно, а мыслям просторно. Чехов был очень земным человеком, с бурной биографией, но меня всегда удивляет, что в каждом его произведении присутствуют совесть и чувство вины, его личной вины. У Булгакова, который стилистически в чем-то учился у Чехова, этого нет – плохие всегда «они». Чехов же проникает во все, даже самые несимпатичные персонажи.

Николай Луганский, Женева, 2017 г. (© Nashagazeta.ch)

Вы приезжаете на гастроли в Швейцарию с Российским национальным оркестром под управлением Михаила Плетнева. Каково работать с дирижером, который сам в первую очередь пианист?

С Михаилом Плетневым я очень много играл и могу сказать, что работать с ним очень легко и приятно, именно потому, что он сам пианист: он знает фортепианные концерты наизусть и очень помогает, забывая на время концерта о своем эго. РНО был одним из первых российских оркестров, пригласившим меня, в 1997 году, в большое европейское турне, и для меня, как пианиста, он остается самым удобным из всех московских коллективов с точки зрения, в частности, способности к адаптации и игры по-новому. Я выступаю с ним регулярно.

Когда Михаил Плетнев выиграл Конкурс имени П. И. Чайковского, я был маленьким мальчиком, учился на его концертах. Прекрасно помню нашу первую встречу в Лондоне в 1996 году. Специально была назначена репетиция за несколько дней до выступления, я приехал, но за полчаса до начала маэстро ее отменил, сказав, что репетировать будем только перед концертом. Я тогда страшно напрягся, но на той единственной генеральной я понял, что с ним такое возможно. Он чувствует пианиста и каждый его порыв, каждую эмоцию пропускает через себя. Он дал мне тогда несколько ценнейших советов, которым я следую до сих пор.

Играть Вы будете Третий концерт Рахманинова - как раз к нашему разговору. Какие мысли навеивает на Вас это произведение?

Ну что сказать о Третьем концерте Рахманинова? Это величайшее произведение, в каком-то смысле вершина в истории романтического фортепианного концерта, даже если иностранцам не нравится это слышать. Помимо немыслимого владения инструментом – а Рахманинов на тот момент был величайшим пианистом мира! – тут присутствует удивительное развитие и русских традиций, и европейских: главная тема проходит через весь концерт, и вообще превращение тематического материала удивительное, его можно анализировать бесконечно, хотя анализ тут вряд ли поможет. Европейец слышит в этом концерте прежде всего спонтанное иррациональное развитие прекраснейших мелодий, но если вы сядете с партитурой, то увидите, насколько потрясающе это сочинено и написано!

Культурная программа MIGROS, в рамках которой Вы приедете в турне в Швейцарию, - явление особое даже для Швейцарии: богатый человек, владелец торговой сети Готлиб Дютвилер по собственной воле, без всякого указания сверху решил отчислять процент выручки на культуру и образование. Да еще привечать иностранцев. Как Вы думаете, в России нечто подобное возможно?

Конечно, возможно, правда, не уверен, возможно ли сегодня. Хотя и сегодня есть богатые люди, которые дают деньги на культуру. И это при том, что государство их реально не поощряет – соответствующего закона до сих пор нет. Я подозреваю, что обеспеченным людям в России, расположенным к благотворительной деятельности, легче единовременно дать большую сумму, чем создавать программу на постоянной основе, как MIGROS, отчисляя какой-то процент. Рассуждают они, наверное, так: если я прогорю, то все загложнет, а если, напротив, невероятно разбогатею, то, может, процент выльется в слишком большие деньги? А вообще – идея гениальная!

Люцерн, KKL, 30 ноября
Женева, Виктория-холл, 2 декабря.
www.migros-kulturprozent-classics.ch

[швейцарская музыка](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/nikolay-luganskiy-v-muzyke-ne-byv-aet-proigravshih>